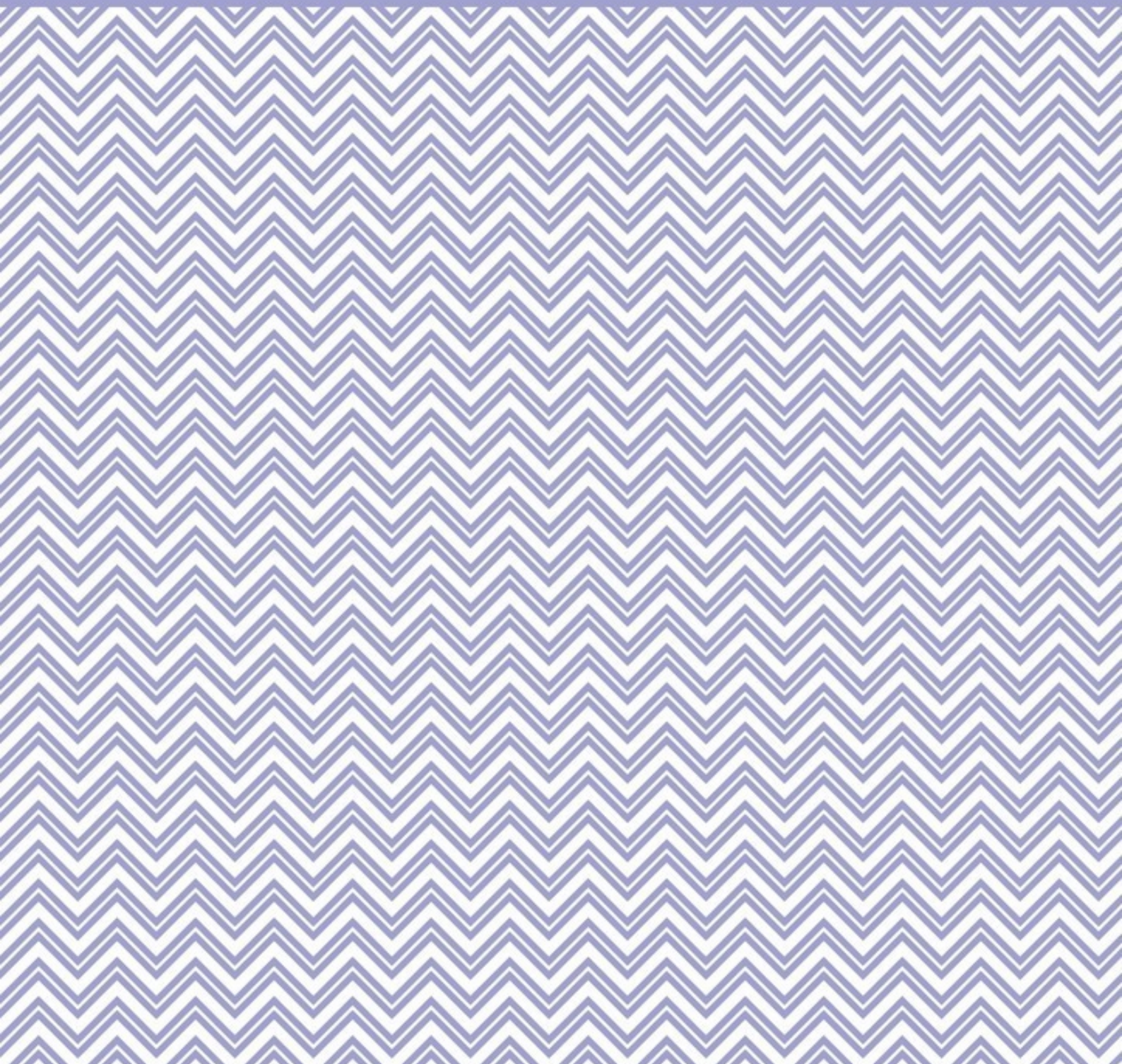

Анатолий Агарков
Последние короли Увелки

Нет героев от рождения — они рождаются в
боях. (А. Твардовский)

Анатолий Агарков

Последние короли Увелки

«Издательские решения»

Агарков А.

Последние короли Увелки / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906261-1

Парни любят драться. Дерутся на Западе, дерутся на Востоке. Дерутся в Гарлеме, дерутся во Вьетнаме... Кто преуспел в этом, становятся Королями. Им поклоняются, их ненавидят, их почитают и убивают... их свергают. С распадом Советского Союза в России к власти над обывателями рвется мафия. Менты, как шавки, лижут им штиблеты. Браткам дорогу заступают Короли и... погибают.

ISBN 978-5-44-906261-1

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Последние короли Увелки

Анатолий Агарков

Нет героев от рождения – они рождаются в боях.
(А. Твардовский)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6261-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Это случилось в последний день хмурого февраля. Низкое небо вдруг задымилось, понеслось куда-то с бешеной скоростью, повалил снег, и на улицы нежданно-негаданно ворвался буран. Пешеходы быстро пересекали улицы, скрывались в магазинах и подъездах жилых домов, и вслед за ними в двери ломился ветер.

Мело весь день. К вечеру ветер ещё задувал, но как будто бы приустал и гонялся за прохожими уже без прежней ярости, хотя и разогнал всех по домам. С наступлением темноты на улицах совсем обезлюдело.

Я не страдаю ни манией подозрительности, ни избытком робости, но уж очень необычно выглядела группа молодых людей на автобусной остановке как раз перед моим двором. Что их держит тут в такую дохлую погоду да ещё без выпивки? Насколько позволяет судить мой жизненный опыт, такие компашки обычно делятся на две категории, исходя из того, как они реагируют на случайных прохожих. Если они остановят меня, то это хулиганы, и наоборот.

– Эй, Толян, куда плетёшься?

Я остановился.

И всё-таки это были нарушители порядка. Нельзя сказать, что их предложение ошарашило меня, но всё же потребовался минутный тайм-аут для размышлений.

– Ледовое побоище? Ладно, но при условии, что вы тут же не драпанёте в разные стороны, бросив меня, хромоного.

– Мы-то как раз побежим, но смотри сюда...

Я заглянул в свой двор и обалдел – сотня, а может и поболее парней, вооружённых кольями, цепями, дубинками и ещё черте чем, томились в молчаливом ожидании, будто засадный полк Александра Невского.

Знакомый, окликнувший меня, со всей откровенностью обрисовал ситуацию, в эпицентр которой я попал. Вкратце это звучало так. В последнее время южноуральские парни стали пошаливать у нас на танцах, и местные ребята дружно собрались посчитать им рёбра.

– Прямо чикагские будни, – подивился я. – Хоть и не хожу на танцы, но как патриот и мужчина, готов биться за правое дело – укажите моё место. Впрочем, больше пользы от меня будет ни как от участника сражения, а как от его очевидца – ведь кто-то ж должен описать нашу славную победу над зарвавшимися горожанами.

Со мной немедленно согласились.

После летней травмы на футбольном поле, я действительно сильно хромал, зато меня охотно печатала местная газета. Неплохо было бы нацепить на рукав белую повязку и брать интервью у противоборствующих сторон прямо на месте сражения. Но, поразмыслив, решил, что, вряд ли молодёжь знакома с международным этикетом ведения боевых действий, и, возможно, ни у одной буйной головушки возникнет желание не интервью мне дать, а дубиной по голове. Поэтому вместо белой повязки на рукав я выдернул ремень из тренчиков брюк и намотал его на кулак. Конечно, это совсем не то, что было у меня во флоте. В лучшем случае он мог бы отпугнуть не особо кровожадных противников, в худшем – на нём можно повеситься.

Время шло. Ноги мои замёрзли и настойчиво просились в тепло. Оптимизм улетучился.

– Я, пожалуй, пойду, перекушу – дом-то вон он, – указал я на светящиеся окна.

Мне никто не возражал.

Чтобы мой уход не походил на бегство, решил поворчать.

– Драться нехорошо. Толпой тем более. Раньше все споры решали поединщики – честно и благородно на виду у всех. И вообще, я знал парней, которые втроём весь Южноуральск на уши ставили.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи...

Меня завлекали от скуки, но озябшие ноги не располагали к красноречию.

– Расскажу, но не здесь и не сейчас. Читайте прессу, друзья, – прорекламировав районную газету, ушёл домой и за несколько вечеров «накатал» эту повестушку.

А побоище, кстати, не состоялось. Южноуральские парни, получив вызов, ничуть не испугались. Они оккупировали два автобуса, и смело ринулись усмирять Увелку. Только в пути эскорт перехватили стражи порядка и повернули домой.

2

Тот солнечный первоапрельский день был чертовски щедр на сюрпризы. Сначала в конюшне трёхгодовалый жеребчик Буран укусил хозяина за плечо, а едва Тимофей Гулиев вышел в огород, как его окликнули. Какая-то молодая особа, закутанная в шаль, сидела на заборе. Тимофей замер удивлённый, чувствуя, как подступает к сердцу необъяснимая тревога – ведь неспроста оседлала его забор эта крашенная девица. Была она белокурой, но без той томной бледности, которая присуща русским женщинам-блондинкам.

Тимофей подошёл ближе, прислушиваясь и приглядываясь. Светло-синие глаза госты были слегка прищурены, уголки губ чуть приподняты улыбкой.

– Я – Маша Иванова, – сообщила она.

– Хорошее имя, – согласился Тимофей. – Что тебе нужно на моём заборе?

– Разве Султанчик не сказал вам, что я приду?

– Нет, – удивился Тимофей. Пустую болтовню он не любил, но шутку ценил и ждал, чем продолжит незнакомка. Как бы в ответ на его мысли, девица рассмеялась весело.

– Я вам радость принесла, – так просто и сказала. – Я от Султанчика беременна. Так что с внуком вас, дядя Тимофей.

Девушка опять рассмеялась, беспечно запрокинув голову.

Тимофей в эту минуту почувствовал, что жизнь его замерла на мгновение, качнулась и приняла какое-то новое направление. Он всегда был спокойным и дружелюбным человеком и не мог теперь примириться с тем, как захлёстывали его поочерёдно волны гнева, ненависти и отвращения. Вот что особенно противно – грязь и убожество ситуации: не смотря на внешнюю привлекательность, девица была явно умственно недоразвитой. Как мог Султан соблазниться такой.

«Запорю! – скрипнул зубами Тимофей, отыскав в мыслях образ сына. – А потом женю!» Что ещё делать? Злоба, клокочущая в горле, чего-то требовала. Тимофей даже испугался самого себя, своей внезапно вспыхнувшей ненависти к сыну. А эта русская девица бесстыже улыбалась ему прямо в глаза.

«Ну и мерзкая же особа, – подумал Тимофей. – Как такую в снохи?»

– Та-ак, – сказал, собравшись с духом. – Нагрели, стало быть.

– Так ведь, – игриво ответила девица, – не грешит, кто в земле лежит.

– Что-то ты не очень убиваешься.

– А что уж больно-то убиваться: не мать велела – сама терпела. Не он, так другой бы околдовал.

Тимофей вдруг пожалел сына – спасти парня надо от такой напасти. Маша же Иванова глядела на него развесёлыми глазами, то и дело встряхивая головой. И совсем ей не страшно, что живот нагуляла. Сказано, человек стоит того, чего стоят его тревоги.

– Ну, я пойду, – девица прыгнула с забора. – Позже с мамкой придём – готовьтесь.

Тимофей смотрел ей вслед, и вид у него был до того жалкий и растерянный, что казалось, что не мужчина стоит, подбитый сединой, а мальчишка, одуроченный и околпаченный со всех сторон.

– Аллах всемогущий! Вот беда! Вот несчастье! – бормотал он вперемишку с молитвой. Наконец принял решение и ринулся в дом с рыком. – Запорю!

Увидев отца с дико перекошенным от злобы лицом и конским кнутом в руках, шестнадцатилетний Султан Гулиев немо испугался и, вдавливаясь спиной в печь, а затем в стену, словно отыскивая спасительную дыру, допятился до угла, где защитно вскинул руки над головой и закрыл глаза.

– Откуда? Откуда ты её выкопал? Где ты нашёл эту девку в блажном уме?

– А, что, отец? Что я сделал? – удивился Султан из-под руки.

– Я хоть и сам грешен, – сказал Тимофей, силясь овладеть собой и провести экзекуцию умом, а не сердцем. – Но до такого не опускался. Ты бы лучше сучке соседской щенят заделал.

– Ты, отец, часом не спятил? – страх покинул Султана: он быстро смекнул, что в углу ему кнут совсем и не страшен. – Ты скажи, чего взбеленился?

– Отпирается и не краснеет, – Тимофей воззрился на сына, будто отыскивая на лице его признаки подозрительного румянца. – Ты дуру эту русскую зачем брюхатил? Если женилка покоя не даёт, так я тебе её вмиг укорочу.

Тимофей пошарил вокруг взглядом, будто подыскивая инструмент для хирургической операции, и в этот момент Султан метнулся к двери.

– Ай, шайтан! – старший Гулиев кинулся следом, не догнав, кричал на всю улицу. – Домой не вздумай возвращаться. Живи там, где нагрешил.

Голос его срывался на петушиный крик.

3

Репейники цеплялись за штанины. Голые стебли одуванчиков утратили уже свои пуховые береты. Травы побурели, не выдержав палящих лучей, но лето уже переломилось. Солнце хотя и поднималось высоко в голубом небе, но уже не припекало – косить будет не жарко. Всё приуныло в ожидании осени. Лишь тополя безмятежно шелестели зелёными листьями, словно не чувствуя, что лето на исходе.

Показался табор.

У костра рядом с Тимофеем Гулиевым сидел старый его приятель – Иван Степанович Кылосов, заведующий клубом имени Володарского и заядлый рыбак. Он вертел в руках папиросу и, поглядывая в костёр, приценивался к уголькам.

– Выспался, Иван Степанович? – иронично, но с уважением спросил Тимофей, помешивая варево в закопченном котле.

Широкие густые брови Кылосова дрогнули, губы раскрылись, обнажив ровные крепкие зубы:

– Такое привиделось! И сказать смешно... Чудный сон!

Тимофей присел на корточки, хлебнул из ложки, сдувая пар и щурясь:

– Какой, Степаныч?

Кылосов расплылся блаженной улыбкой.

– Какой? – допытывался Гулиев.

Завклубом немного поколебался – рассказывать или нет? – и сказал:

– Бабёнка голая да развесёлая...

– Худой сон, Степаныч, – с огорчением отметил Тимофей.

– Э, – Кылосов беспечно махнул рукой. – Это вам Аллах запрещает, а лично мне голые да развесёлые шибко по душе. Несчастную бабу любить – вред для обоих. Верно, сынки?

Он обернулся к подходящим парням:

– Иль только в мечтах с девкой миловались?

– Ну, да уж, конечно, – насупился Султан.

– По-моему, Вовка – весьма ловкий молодчик, – сказал Тимофей. – Из него артист бы вышел – народный. Мы супротив него – ослы длинноухие, доверчивые.

Приятель Султана, голубоглазый и белобрысый паренёк, молча присел к костру, глаза его невинно следили за игрой пламени.

– А-а, – махнул рукой Кылосов. – Жалкие последователи Станиславского? Разве в нашей глубинке сыщешь настоящий талант?

– Ну-ну, – согласился Тимофей. – А всё-таки ловок, шайтан. Вот если б он с тобой такую штуку выкинул...

– А что такого он сделал?

Старший Гулиев сунул ложку в карман пиджака, хлопнул себя кулаком по коленке и после этого с удовольствием расхохотался. Потом высморкался, достал носовой платок и утёр глаза. Махнул рукой:

– Ту первоапрельскую шутку, что Вовка со мной выкинул, всю жизнь не забуду.

В костре зашипело, затрещало, щёлкнуло – рассыпались искры. Одна из них прилетела Тимофею на сапог. Он сбил её щелчком в огонь.

Кылосов курил с серьёзным видом, не отрывая взгляда от приятеля, ожидая смешного рассказа.

– Прodelки молодых? Это интересно. А, ну-ка, расскажи.

– Ну, хорошо, хорошо, раз ты хочешь, – ясно было, что Гулиева не пришлось бы просить дважды. – Слушай же...

Кылосов слушал, слушал и вдруг стал медленно оседать, потом скорчился и упал в траву. Вцепившись зубами себе в ладонь, он принялся кататься по земле. Из его горла вырывались клокочущие звуки – то ли рыдания, то ли непонятные, неведомые возгласы. Его ноги в резиновых сапогах нелепо торчали в разные стороны, чуть не задевая костра. Так Кылосов хохотал, когда услышал всю эту историю с переодеванием Вовки Евдокимова в беременную девушку.

– Да ладно вам, – проворчал Султан, кривясь недовольно. – Кто старое помянит...

– Цыц! Кто старое забудет... Вот то-то.

В грубоватом обращении Тимофея к сыну сквозила и давнишняя вина перед ним, безвинно обвинённым. И приятелю:

– Надо иметь талант, чтобы так провести стреляного воробья.

Рыбак не сразу успокоился.

– М-да, – сказал он. – Придётся тебе сознаться, дорогой – опростоволосился ты с этими парнями. Меня-то на мякине не проведёшь. Я повидал и собак, летающих по воздуху. Да-да, удивить меня ничем нельзя. И они против меня, – Кылосов ткнул поочередно пальцем в Султана и Вовку. – Шан – тро – па.

Евдокимов вздохнул, всем своим видом показывая, что подобные речи ему слышать не впервой. Кстати, так оно и было. А Султан обиженно покосился на отца – чегой-то гость того...

И Гулиев вступился за ребят.

– Э – э, брось! Не зарекайся наперёд. Вот этот парень, – он кивнул на Максимова, – смолит табаку в день раза в два больше тебя. Эх, не я его отец...

– Да ну тебя, – отмахнулся Кылосов, заядлый курильщик. – Пить, курить, ходить и материться я начал в один день.

– Спорим? – Вовка Евдокимов по-взрослому протянул завклубом ладонь.

– Да ну тебя, – Иван Степанович досадливо отмахнулся. А потом вдруг заиграло в нём что-то. Вышиб ногтём папироску из пачки. – Кури, сопляк.

Вовка выкурил и получил новую.

– Кури, кури – хвастунов, знаешь, как учат, – папироса за папиросой Кылосов опорожнял свою пачку.

Пока парень курил, Иван Степанович катал меж пальцев очередную папиросу. Поглядывая друг на друга, будто петухи перед дракой, они оба не по-доброму усмехались.

Когда пачка кончилась, Иван Степанович растерянно огляделся. Тимофей Гулиев хмурился и осуждающе качал головой. Султан безучастно смотрел на огонь. Победитель пари отчаянно плевался и важничал, поглядывая на Кылосова осоловелыми глазами.

И вот за эту минуту сомнительного торжества расплатился Вовка Евдокимов затмением в лёгких и хроническим кашлем на всю свою жизнь.

– Ты чей будешь? – завклубом будто теперь спохватился, что по должности своей является наставником молодёжи, и пари его с пацаном бросает тень на профессиональную репутацию. – Как зовут?

– Ева, – вскинул Вовка отяжелевшую голову.

– Так ты что ль, правда, девица?

– Да нет, – усмехнулся Тимофей Гулиев. – Какая ж это девка, коль в мужскую баню ходит? Это у него инициалы такие – Евдокимов Владимир Андреевич.

4

Наступила распутица, и с нею началась головная боль заведующего клубом имени Володарского. Вернулась в город учащаяся молодёжь от бабок из деревень, из далёких «гостей», с разнообразных практик, из лагерей и домов отдыха, а с нею возобновились, прерванные на лето, танцевальные вечера. Для борьбы с «грязеносцами» Иван Степанович поставил у входа ёмкости с водой для мытья обуви, удвоил пропускающий заслон у дверей. Но это были лишь «цветочки». «Ягодки» жили неподалёку в строительном вагончике.

То были калымщики, невесть откуда приехавшие и всё лето восстанавливающие что-то на золотодобывающей шахте. Танцы их не интересовали, но скучно было каждый вечер пить водку после работы в кругу одних и тех же небритых лиц. Сверкающий огнями клуб манил искателей приключений под пьяную руку. Здесь можно было сыграть в бильярд, заглянуть в буфет, без опаски покурлесить среди нарядных девчонок и сопливых пацанов.

Серьёзных столкновений не было, но испорченные вечера от нашествия невымытых, небритых и пьяных мужиков камнем ложились на сердце Кылосова и вызывали головную боль, ещё не начавшись. По натуре своей нескандальный, даже трусоватый, Иван Степанович насмерть боялся этих подвыпивших верзил, и только профессиональный долг и отеческая любовь к молодёжи заставляли его преграждать хулиганам путь.

Обычно это начиналось телефонным звонком снизу:

– Пришли, Иван Степанович.

И Кылосов, проглотив холодный комок, подступивший к горлу, сунув трясущиеся руки в карманы пиджака, спускался вниз.

Пришельцы, числом пять человек, стояли кружком, курили и сплёвывали под ноги.

Молодёжь растянулась широкой и плотной цепью на высоком крыльце клуба. Туда-сюда сновали девчонки, подбивая ребят к решительным действиям.

– Эй, сопленосы, чего распетушились? Мы же по-хорошему. А могём и по-плохому.

– Не пужай! Не боимся, – звонко отозвалась курносая девица в короткой плиссированной юбке. Подхватив свою юбочку двумя пальцами, манерно растянув её в стороны, притоптывая высокими ботами, прошла кругом по ступенькам:

– Меня батюшка пужал, а я не боялася,

Меня миленький прижал, а я рассмеялася.

Девчонки звонкими смешками поддержали её. Парни стояли сурово, плечом к плечу, прикидывая шансы возможного побоища. Пришлые не обиделись.

– Эй, коза, ну-ка, поди сюда. Поймаю – задницу надеру.

– Валите отсюда, – откликнулась девица. – Кто вас звал?

– А мы не звавши... Слышь, лысый, – это уже к подошедшему Кылосову. – Чё твой клуб только для избранных?

– Мы пьяных не пускаем, – сказал Иван Степанович нетвёрдым голосом.

– А кто пьян? Кто пьян? Ты, мужик, ещё и не видел пьяных.

– У нас молодёжные вечера...

– А мы чё, старые? Это тебе, мужик, пора баиньки. Вообще, так – либо мы заходим по-хорошему, либо, как получится.

– Я сейчас милицию вызову.

– А без милиции никак? Вот и видно, что ты не мужик, а баба лысая. Хочешь, спор решим один на один. Выбирай любого....

– Я не гладиатор с вами драться.

– Оно и видно. А вы, петушки, не хотите ли размяться, что за девок спрятались?

Султан Гулиев, протиснувшись сквозь толпу, сбежал вниз по ступенькам:

– Я могу попробовать.

Невысокий, жилистый, спортивный он хорошо смотрелся рядом с вихлявыми пришельцами. Возможно, его твёрдый взгляд и уверенный голос немного поколебали самого разговорчивого из калымщиков. Он оглянулся на молчаливого здоровяка:

– Может попробуешь, Стёпа – у тебя удар послабже.

– Не-а. Я за так не дерусь. Ставь пузырь.

– Я поставлю. За тебя поставлю, если этот малёк тебе наkostenяет...

– Мне таких с десятков надо. Что, лысый, ставишь бутылку, если я этого татарчонка умою?

– Уходите немедленно, не то я пошёл звонить в милицию – заберут вас прямо из вагончика: бежать-то некуда.

– А кто сказал, что мы побежим? Теперь тем более... Стёпа, бери этого бабайчика подмышку вместо билета. Ты, лысый зря ерепенишься: ну, шары покатаем, ну, пивка возьмём в буфете – не нужны нам ваши танцы и вся эта сопливая молодёжь. Никого не тронем.

Верзила Степан подошёл к Султану вплотную, но, заглянув ему в глаза, брат подмышку не решился. Вместо этого он сдёрнул с головы Гулиева кепку, бросил в грязь под ноги и с удовольствием придавил носком сапога, будто окурок.

– Господи! – прошептал одними губами Кылосов, зная, что драки теперь не избежать.

Два года назад в городок приехал известный в прошлом всей стране спортсмен и для мальчишек открыл в клубном спортзале секцию бокса. Султан Гулиев был его лучшим учеником. Не раз опытный тренер говаривал:

– Поверьте моему слову, этот парень будет олимпийским чемпионом – у него природные задатки.

Султан взглянул на свою кепку, потом на верзилу, у которого шрам на скуле от улыбки преобразился в глубокую рытвину, потом на его соломенную шляпу, сбитую на самый затылок. Отказавшись от мысли дотянуться до неё, прочистил носоглотку и всем, что сумел собрать на язык, плюнул калымщику в лицо. В следующее мгновение, нырнув под яростный кулак, ударил верзилу дважды – в солнечное сплетение и шрам на скуле.

Степан, согнувшись и уронив руки, слепо пошёл вперёд, уменьшаясь в росте, пока совсем не распластался на сыром асфальте. В кругу калымщиков ахнули:

– Стёпа, держись!

Молодёжь с крыльца клуба подалась вперёд и выросла стеной за спиной Гулиева. Между двумя, готовыми сомкнуться в рукопашной, сторонами суетился Кылосов.

– Ну, всё, всё, кончайте. Расходитесь – на сегодня хватит драк.

Между тем, поверженный Степан поднялся на полусогнутых дрожащих ногах и некоторое время оставался на месте, как цирковой борец на арене перед притихшей толпой. Но едва он сделал шаг, как, не удержав равновесия, опрокинулся на спину, тяжело ухнув массивным телом об асфальт.

Его конфуз клубная молодёжь приветствовала дружными радостными криками. Султан вмял каблуком ботинка упавшую соломенную шляпу, сунул руки в карманы и, сутулясь, будто от холода, вбежал по ступенькам на крыльцо и скрылся за входными дверями.

Кылосов, раскинув руки в стороны, двинулся на молодёжь:

– Ну, всё. Ну, всё. Заходите – вон девчонки как замёрзли.

Калымщики подняли своего приятеля, оттряхнули, подхватили подмышки и поволокли прочь – двигаться без посторонней помощи он ещё не мог.

Вовка Евдокимов поднял, оттряхнул Султанову кепку, крикнул в спину удаляющимся:

– Что, мужики, за пузырьём помчались? Уговор дороже денег.

5

Из шахтёрского городка Пласт автобус уходил в областной центр дважды в день – утром и вечером. Утром в выходной день уезжать никому не хотелось, а вечером автобус был переполнен, да и билет, даже для студентов, обходился в полную цену. Другой путь – на местном автобусе до Увелки, а оттуда в Челябинск на электричке, на которую билеты покупали только девчонки, да и то за полцены.

Автобус подруливал к самому вокзалу за полчаса до прихода электрички, и эти тридцать минут ожидания были для пластовской молодёжи Дантовым кругом ада. Вся Увельская шпана – любители побить толпой одного – будто цирк Шапито, ожидали жёлтый «ЛиАЗ» воскресными вечерами на привокзальной площади.

Если не было поблизости стражей порядка, пластовчан вытаскивали из салона в только что раскрытые двери и «метелили» прямо у колёс автобуса. С некоторых пор встречать злополучный автобус, охранять на вокзале и провожать до электрички приезжую молодёжь обязали наряд милиции. Тем с большим остервенением и жестокостью измывалась шпана над пластовчанами, когда люди в погонах отсутствовали. Впрочем, «наезды» продолжались и в электричке – учащих в Челябинске увельчан было значительно больше, чем из шахтёрского городка Пласт.

Всё изменилось, когда район вокзала объявили своей территорией братья Прокоповы, а самый шустрый из них – Василий – назвался королём Увелки. Для всего густонаселённого рабочего посёлка это заявление звучало более чем амбициозно, но для транзитных пассажиров, не высовывавших носа с вокзала, вполне годилось. Васька Прокоп запретил бессмысленные избиения приезжих, более того, его дружки встречали на площади автобус и следили, чтобы кто из местных не затеял с пассажирами потасовку. За устроенный порядок самозванный «король» требовал немногого – по рублику с пацана, по полтиннику с девчонки.

Платили, потому что выбор-то невелик – плати или отлупят. Впрочем, Васька, учащийся челябинского ПТУ, сам ездил на электричке воскресными вечерами и придумал такую штуку. Вся отъезжающая с Увельского вокзала молодёжь сбивалась в один вагон, и чтобы попасть в этот вагон, надо было заплатить Прокопу. Но уж потом, под защитой его дружков, можно было безбоязненно ехать до самого Челябинска.

А бояться беззащитному пассажиру в двухчасовой поездке до конечной остановки было кого. Молодёжь садилась в электричку на каждом полустанке, но в Еманжелинске и Томино в вагоны врываются организованные банды, подобно Увельской. И тогда начинались побоища.

Васькины дружки, заклинив переходные двери, держали оборону своего вагона, сбрасывая на перрон всех, пытающихся проникнуть в широко раскрытые пневматические створки по крутым и скользким ступеням. Доставалось и взрослым.

Впрочем, неслучайные пассажиры знали – в какие вагоны можно садиться, а куда не стоит. Молодёжь, наоборот, садилась именно в те вагоны, в которых, заплатив рублик-полтинник, можно чувствовать себя в относительной безопасности. Здесь курили и матерились от души, чтобы отбить охоту у случайно забредших взрослых пассажиров желание остаться. После Еманжелинска без сотрудников милиции контроль не рисковал бродить по вагонам в поисках «зайцев».

Тасуя колоду карт, Васька Прокоп ораторствовал:

– Вот ведь есть в Америке такой порядок: «Места только для белых» или «Цветным вход воспрещён». И народ понимает. А здесь каждому приходится объяснять. Баланда, ну-ка объясни гражданочке, что вагон только для белых.

Белокурый паренёк с лицом былинного героя кивнул, поднимаясь с места.

Женщина промёрзла на платформе, рада была тёплому месту, отогреваясь, с удивлением приглядывалась к беспокойной публике, сбившейся в вагон.

Валерка Баландин склонился к её ушку под замысловатой шапочкой:

– Гражданочка, простите, это место проиграно в карты.

Быстрый испуганный взгляд из-под огромных ресниц с капельками растаявшего инея.

– Ой! – женщина подхватила с места, прижимая к груди сверкающий чёрный ридикюль, заспешила проходом прочь из вагона.

– Чем ты её так достал? – подивился Васька Прокоп.

– Штуковину свою показал, – предположили в компании.

– Покажи вон кызымочке, – предложил Миша Кондратенко, давно поглядывающий на Гулю Гулиеву, сидевшую наискосок через проход, вместе с подружкой Надей, братом и его приятелем.

– Сидеть! – Прокоп поймал суетливого Баланду за локоть. – После Борисовки обилечивать будем.

– Да я только познакомиться, – Баландин подсел к незнакомой компании. – Меня зовут Валера, а вас?

Он сдёрнул шапку, мотнул головой, расплескав по плечам длинные русые кудри. Правильное скуластое лицо его с большими широко поставленными глазами смотрелось неплохо.

– Гуля, – улыбнулась Гуля. – А это Надя, Вова, Султан...

– Время падишахов кончилось, – заявил Баланда, закинув ногу на ногу, а руку на спинку сидения за Надиной головой.

Девушка осторожно отодвинулась, вжимаясь в подругу.

– Султан мой брат, – сообщила Гуля.

– А-а, будущий шурин, – Валера протянул Султану руку. – Баланда.

Султан сурово посмотрел на протянутую руку, в лицо парню и отвернулся к окну с безучастным видом. Валера проглотил обиду, но, уже напрягаясь, протянул руку Евдокимову:

– Баланда.

– Оно заметно, – сказал Вова, глядя ему в глаза, игнорируя руку.

– Что ты хочешь этим сказать? – Валера выпятил массивную челюсть.

– Парни, ну, хватит вам, – попросила Гуля.

– Наглецы, – Баланда покрутил головой. – Ей-бо, наглецы. Придётся воспитать. А вы, девчонки, пересядьте, а то скоро здесь чертям жарко станет.

– Ой, не надо, – испугалась Гуля, вспомнив рассказы о страшных увельских хулиганах.

– Надо, Гуля, надо, – Валера затеял какой-то трёп, развлекая девчат, искоса поглядывая то на Прокопа, то на неприветливых парней.

Динамик вагона сообщил:

– Следующая остановка – станция Еманжелинск.

Будто по команде в разных концах вагона поднялись со своих мест десятка два парней.

– Граждане пассажиры, приобретаем билетки.

Началась придуманная Прокопом оплата проезда.

Баланда преобразился:

– Ну, что, голубчики, слышали? Девушек я без денег обилечу, а с вас, орёлики, по рублику.

– Ты что, контролёр или кассир? – спросил Султан. – Покажи удостоверение.

– А вот оно, – Баланда встал на ноги и сунул Гулиеву кулак под нос.

– Ну, тогда у меня проездной, – сказал, поднимаясь, Султан.

Он расстегнул куртку и предъявил значок на груди – «Кандидат в мастера спорта СССР».

– Дай сюда, – Баланда попытался сорвать значок.

– На! – хорошо поставленный апперкот опрокинул Валеру на спину. По инерции он ещё проехал немного по полу, собирая на свою куртку шелуху и окурки, и голова его скрылась под лавочкой.

Оцепенение в вагоне длилось несколько мгновений, потом его потряс дружный вопль негодования и топот множества ног. Девчонки, попавшие в эпицентр событий, своими визгами подняли общий шумовой фон на запредельную высоту.

Встав спиной к спине в проходе электрички, Султан и Вова Евдокимов отбивались от нападавших с двух сторон увельских ребят. Причём, Гулиев делал это довольно профессионально – умело защищался от бестолково напиральной толпы, уклонялся от беспорядочно метаящихся кулаков, а сам бил редко и прицельно, и после каждого его удара, противников становилось на одного меньше.

Его соратник, что говорится, «держал удар» – не защищался и не уворачивался, и в первые же минуты потасовки его лицо превратилось в одну кровоточащую рану. Но он тоже не махал руками, а поймав одной рукой ближайшего противника, бил его другой до полной отключки. Силёнка у парня была, и порой, после его удачного удара, проход, усеянный кучей барахтающихся тел, освобождался до самых дверей.

В какой-то момент этот проход заполнился новой группой парней, хлынувших из тамбура – то еманжелинцы ворвались через оставленные без присмотра двери. Крики в вагоне достигли своего предела, девчонки визжали без устали – извечные враги увельчан, ворвавшись в секцию, лупили всех подряд, загоня несопротивляющихся под лавки. Две волны нападавших хлынули от обеих дверей и чуть было не сомкнулись в центре вагона. Но не сомкнулись. На пути осталась прежняя преграда.

Султан возможно, а Евдокимов точно и не заметили смены противников. Используя прежнюю тактику, они выстояли под новым напором, сбили энтузиазм нападавших и постепенно, шаг за шагом, начали их теснить от центра к дверям.

Увельские ребята, опомнившись от неожиданного удара в спину, разметанные с прохода, прыгали теперь через спинки сидений, забирались в тыл извечным врагам своим, били и теснили их прочь. Пример двух пластовчан, удесятерил силы, и вскоре вагон был очищен.

Не повезло попавшим в плен – над ними измывались до самого Челябинска. Но на то и война. Как говорится, кто с кулаками к нам придёт – без тапочек уйдёт.

Отношение к двум строптивым пластовчанам изменилось на противоположное. Сам Васька Прокоп протянул руку примирения Гулиеву, а когда Султан проигнорировал её, ловко нашёлся.

– Здорово! – заявил он, оттопырив большой палец.

Баланда приласкал свежий рубец на скуле:

– Как ты меня...

Но Султану было не до знакомств и поздравлений – Вова Евдокимов никак не мог унять потоки крови из носа. Порвав Гулин носовой платок, он заткнул другу ноздри:

– Дыши ртом.

Тот запрокинул голову на спинку сидения и не видел, что показал Султан, сопроводив словами:

– Тренировать надо.

А Гулиев надавил пальцем на маленький и приплюснутый носик свой, легко вдавил его почти полностью.

Гуля остатками платка, смоченного слюной, смывала кровь с Вовкиного лица и разбитых пальцев.

6

У магазина «Спортовары» Миша Кондратенко попытался «тряхнуть» одного молодчика и напоролся на трёх молодцов.

Сильный удар вмял его в стену.

– За что бьёте, мужики? – Кондрат попытался улыбнуться приветливо и получил пинок в живот.

Когда приступ тошноты миновал, Миша воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.